

Экономическая история

Живучесть неэффективных институтов: о книге Трауинна Эггертссона

Денис Валентинович Кадочников*ORCID 0000-0003-4653-2232*

Кандидат экономических наук, доцент, СПбГУ

(РФ, 190000, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9);

старший научный сотрудник, МЦСЭИ «Леонтьевский центр»

(РФ, 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25А, пом. 6Н).

E-mail: d.kadochnikov@spbu.ru

Аннотация

В статье представлен обзор русского издания книги Трауинна Эггертссона «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ». Автор, профессор Университета Исландии и Школы управления Херти в Берлине, представил базирующийся на методологии и достижениях новой институциональной экономической теории обзор причин устойчивости неэффективных с точки зрения экономического развития институтов. В центре внимания автора — описание и обсуждение истории некоторых норм, на протяжении нескольких столетий сохранявшихся в Исландии и регламентировавших занятия сельским хозяйством, в частности скотоводством и рыболовством, а также вопросы взаимопомощи в рамках местных общин. Эггертссон показывает, что на протяжении длительного времени эти нормы обуславливали экономическую отсталость острова, и объясняет, почему, несмотря на, казалось бы, их очевидное несовершенство и пагубные последствия, исландское общество в лице фермерской элиты не только не стремилось пересмотреть их, но тщательно оберегало, избегая даже думать о каких-либо изменениях. Исландский исторический кейс живучести неэффективных институтов дополнен теоретическим обсуждением роли институтов в экономическом развитии. Автор показывает, что ни накопление факторов производства, ни развитие технологий не могут быть достаточными условиями для экономического роста, если не сопровождаются развитием социальных технологий — институтов. При этом эволюция институтов как механизмов взаимодействия хозяйствующих субъектов взаимосвязана с эволюцией социальных моделей, поведенческих установок людей, что обуславливает значимость обучения и убеждения в ходе любых институциональных изменений. В книге также представлено обсуждение различных аспектов институциональных реформ, которые способны повлиять на их успех или провал.

Ключевые слова: Эггертссон, институты, социальные модели, экономический рост, Исландия.

JEL: B52, O43.

Economic History

The Persistence of Inefficient Institutions: On Thráinn Eggertsson's Book

Denis V. Kadochnikov

ORCID 0000-0003-4653-2232

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Saint Petersburg State University;^a

Senior Researcher, ICSEER Leontief Centre,^b d.kadochnikov@spbu.ru

^a 7–9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

^b 25A, 7-ya Krasnoarmeyskaya ul., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation

Abstract

The paper presents an overview derived from the Russian translation of Thráinn Eggertsson's book "Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform." Eggertsson, who is a professor at the University of Iceland and Hertie School in Berlin, employs the methodology and achievements of the new institutional economics to survey the factors which affect the sustainability of institutions that are inefficient in terms of economic development. He describes and discusses the history of some norms that were preserved for several centuries in Iceland to regulate agriculture, in particular cattle breeding and fishing, as well as to provide mutual assistance within local communities. Eggertsson shows that for a long time these norms were a source of the island's economic backwardness; and he explains why Icelandic society's farming elite not only did not seek to change those norms despite their seemingly obvious imperfection and harmful consequences, but instead carefully protected them and avoided even thinking about any changes. The historical example of Iceland's persistent loyalty to inefficient institutions is supplemented by a theoretical discussion of the role of institutions in economic development. Eggertsson argues that neither an accumulation of factors of production nor the development of technologies are sufficient for economic growth without the development of social technologies and institutions in particular. At the same time, the evolution of institutions as ways for economic entities to interact is linked to the evolution of social models, behavioral patterns, and the rules people follow; this linkage underlines the importance of learning and persuasion in the course of any institutional changes. The book also contains a discussion of various aspects of institutional reforms that can affect their success or failure.

Keywords: Eggertsson, institutions, social models, economic growth, Iceland.

JEL: B52, O43.

В издательстве Института Гайдара в 2022 году вышел русский перевод книги «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ» [Эггертссон, 2022], опубликованной на английском впервые в 2005-м. Автор книги — исландский экономист Трауинн Эггертссон, профессор Университета Исландии и Школы управления Херти в Берлине. В книге развиваются идеи, ранее изложенные Эггертссоном в книге «Экономическое поведение и институты» [Эггертссон, 2001] и в сборнике «Эмпирические исследования институциональных изменений», редактором и одним из авторов которого он был [Empirical Studies., 1996]. В новой книге Эггертссон развивает три ключевые темы, которые представлены последовательно-параллельно: каждой из них формально посвящена одна из трех частей работы, но внутри каждой части автор вновь и вновь либо возвращается к смежным темам, либо предвещает их. Сложно сказать, считать ли это достоинством книги или ее недостатком: чтение «Несовершенных институтов» требует от аудитории совершать неоднократные и разнонаправленные путешествия по тексту. Автор сочетает исследование и обсуждение конкретных исторических фактов с теоретико-методологическими рассуждениями в русле новой институциональной экономической теории, а также затрагивает вопросы теории экономического роста и политической экономии реформ. Детальный разбор книги Эггертссона с точки зрения используемого концептуального аппарата осуществлен в статье [Шаститко, 2022]; в данном же обзоре представляется целесообразным подробнее рассмотреть исландский исторический кейс, вероятно, представляющий наибольший интерес для читателей, уже знакомых с неоинституциональной методологией.

Исследование конкретного исторического кейса долговременной устойчивости/живучести в домодерновой Исландии институтов, которые объективно препятствовали росту благосостояния страны, удерживая ее население на грани выживания, несмотря на наличие возможностей для экономического роста, — это, пожалуй, центральная тема монографии Эггертссона. Значительную часть своей истории, на протяжении многих веков, практически вплоть до конца XIX столетия, Исландия была более или менее изолированной страной, население которой (практически полностью сельское, поскольку на острове не было городов) занималось главным образом разведением скота и возделыванием земли (в качестве фермеров или наемных работников) и иной работой на фермах (в том числе в качестве прислуги); второстепенную роль играла рыбная ловля. При этом в силу географо-климатических особенностей животноводство и земледелие в Исландии отличались низкой продуктивностью и были способны удовлетворить

лишь минимальные потребности населения острова, которое периодически страдало от голода. За века подобного существования исландцы выработали механизмы своего рода взаимного социального страхования, призванные силами общин в критических ситуациях поддерживать их нуждающихся членов, в том числе предоставляя корм для скота пострадавших от природных бедствий фермеров. При этом жители острова были озабочены возможностью оппортунистического поведения, появления нахлебников. Надежда на помощь общины и опасения иждивенчества привели к тому, что ни у кого из фермеров не было стимулов создавать значительные запасы корма, что в конечном итоге сильно усугубляло риски падежа скота и голода среди людей, то есть в долгосрочной перспективе способствовало сохранению относительно низкого уровня экономического развития / личного благосостояния исландцев. Интересно, что попытки властей (норвежцев и позднее датчан) побудить исландцев к созданию более существенных запасов, в том числе посредством использования централизованных хранилищ, также не увенчались успехом.

Но еще более пагубную роль в многовековой бедности Исландии сыграли формальные и неформальные нормы, ограничивающие для жителей острова возможности рыболовства. В отличие от малопродуктивных по объективным причинам растениеводства и скотоводства богатые рыбные ресурсы в морях, омывающих Исландию, могли бы не только существенно сократить угрозу голода для страны, но и стать основой для развития внутренней и внешней торговли, экономического роста и повышения благосостояния. В некоторой степени рыболовство не развивалось вследствие внешних ограничений, введенных Данией, чьим владением Исландия была несколько веков. Датчане не были заинтересованы в торговых и иных контактах исландцев с третьими сторонами, при этом монополизировали экспорт выловленной исландцами рыбы, устанавливая весьма низкие закупочные цены на нее, что было выгодно Дании, но при этом лишало самих исландцев стимулов к увеличению добычи и развитию рыболовецкого флота. Датская корона в этом случае действовала рационально в рамках своей колониальной логики и преследуя свои вполне понятные цели. Но, как показывает Эггертссон, для благосостояния исландцев проблема заключалась не только в нормативных ограничениях, навязанных метрополией. Исландское общество само в течение веков ревностно хранило традиции и нормы, ограничивающие возможности рыбной ловли; даже в условиях внешних ограничений на торговлю рыбой рыболовство могло бы по крайней мере смягчить или устранить угрозу голода на острове, тем более что необходимые навыки и технологии (в том числе касающиеся строительства

и эксплуатации рыболовецких судов) у исландцев были. Господствующим классом исландского общества были землевладельцы (фермеры и церковь), заинтересованные в доступности рабочей силы для труда на фермах. Вероятно, вследствие небольших размеров страны и ее относительной изолированности на острове не возникло крепостного права, мобильность рабочей силы сохранялась в географическом плане, но не в плане выбора рода занятий; впрочем, упомянутые местные институты общинной взаимопомощи также удерживали людей на месте. Развитие рыболовства воспринималось фермерами как угроза их благосостоянию, поскольку могло способствовать оттоку рабочей силы с земли, повысить оплату труда наемных работников, снизить платежи арендаторов и субарендаторов, а в конечном счете — подорвать и без того низкую продуктивность сельского хозяйства страны. При этом потенциальные выгоды от диверсификации хозяйственной деятельности, которые бы повысили продукт Исландии в целом, а также доходы готовых вложиться в рыболовный промысел хозяйств, исландскими фермерами в расчет не принимались и, судя по всему, были им совсем не очевидны.

Эггертссон показывает, что формальные и неформальные нормы, регламентировавшие ведение сельского хозяйства и рыболовство в Исландии, не были лишены рационального зерна. Те, кто хранил эти нормы и принуждал к их исполнению, действовали в известной степени разумно, понимая, в чем состоят обоснование и непосредственные эффекты этих норм и чем в краткосрочной и среднесрочной перспективе чревато их нарушение для их собственного благосостояния. Исландцы проявляли рациональность, но рациональность довольно близорукую. Бережно оберегаемые ими нормы способствовали сохранению привычного социального и экономического уклада, пусть и не лишённого идеи справедливости и заботы о ближнем, но также и сохранению бедности как страны в целом, так и ее общин и домохозяйств по отдельности.

Традиционные институты исландского общества были не иррациональными, но, как показал Эггертссон, весьма неэффективными с точки зрения долгосрочного экономического роста. Эти неэффективные институты сохранялись веками, скорее, отражая определенный общественный консенсус (а не только внешних сил), общественные представления о справедливости и общественные страхи, но веками же и препятствуя развитию страны. Как полагает Эггертссон, осознание неэффективности этих институтов, этих хозяйственных практик при наличии вполне очевидной альтернативы в принципе не потребовало бы от предков современных исландцев огромных усилий и сложных интеллекту-

альных поисков. Это не тот случай, когда речь идет о чрезмерной сложности социально-экономических проблем, которые нельзя не то что решить, а даже обсуждать без развитого теоретико-методологического аппарата, подробной статистики, знакомства с опытом других стран, без собственного сообщества ученых или хотя бы просто образованных людей и т. д., и т. п. Чтобы понять, что все вместе и каждый фермер в отдельности выиграют, причем в обозримой перспективе, от поддержания более значительных запасов корма на случай природных катаклизмов, а также от диверсификации своей хозяйственной деятельности за счет более активного рыболовства, не нужно иметь университетского образования — достаточно, казалось бы, обычного здравого смысла, минимальной хозяйственной рассудительности и житейской смелости. Однако лишь к концу XIX века сложились условия, которые привели к отказу от старых институтов, а затем к экономическому росту в Исландии. Почему же исландское общество веками оберегало эти нормы, не только не пытаясь изменить их, но и противодействуя периодическим попыткам властей метрополии изменить ситуацию к лучшему?

На это повлияло множество факторов — от введенной метрополией политики изоляции, не позволявшей исландцам знакомиться с иными хозяйственными укладами, и ее же политики в области регулирования торговли рыбой до специфики организации местного самоуправления в Исландии, состава местных элит, размера страны и т. д. Но, по мнению Эггертссона, не стоит недооценивать тот факт, что сложившиеся хозяйственные практики (которые на самом деле сложно отделить от иных практик, поэтому разумнее говорить о жизненном укладе) воплощали не только экономические, но и определенные ценностные, этические установки, которые в своей взаимосвязи служили своего рода жизненной философией, были основой мировоззрения исландцев. Исландские фермеры и вообще исландцы в большинстве своем не то чтобы не обладали достаточным уровнем знаний, чтобы искать, обсуждать, а тем более пробовать альтернативы традиционному укладу, — сама мысль о такого рода обсуждениях и поисках претила им, вызывая когнитивный диссонанс и душевный дискомфорт. Неэффективные институты были приемлемыми и устойчивыми, потому что вполне сочетались с индивидуальными поведенческими моделями (социальными моделями в терминологии Эггертссона) исландцев. Представления исландцев о том, что в жизненном/хозяйственном плане хорошо и что плохо, что допустимо и что недопустимо по отношению к членам своей и иных исландских общин, их ожидания относительно поведения соплеменников — всё это само по себе побуждало их придерживаться традицион-

ных институтов не только ради соблюдения формальностей, но в силу внутренних убеждений и ввиду социального давления. Даже устранение формальных ограничений и введение метрополий новых, казалось бы, более прогрессивных норм не могли заставить людей изменить механизмы взаимодействия друг с другом, поскольку их социальные модели и поведенческие установки оставались неизменными, заставляя игнорировать новые писанные правила и воспроизводить устоявшиеся неэффективные институты.

Исторический исландский кейс, рассмотренный Эггертссоном, представляет интерес как яркая и подробная иллюстрация того, почему так сложны институциональные реформы. Попытки разработки новых, предположительно более эффективных (например, с точки зрения обеспечения условий для быстрого экономического роста) норм, законов, правил, а равно и попытки их заимствования в других сообществах и последующей трансплантации очень часто терпят неудачу, поскольку игнорируют устоявшиеся социальные модели, поведенческие установки хозяйствующих субъектов. Для того чтобы люди начали использовать новые, более совершенные технологии (в том числе социальные, в реальности всё чаще неразрывно связанные с технологиями в обыденном их понимании, с научно-техническими инновациями), они должны быть не только доступны, но и приемлемы и понятны, а это значит, что важным условием перехода к использованию новых технологий и институтов является обучение и убеждение (и не только / не столько через теоретическое обучение и агитацию, сколько через наблюдение на практике). Устойчивость институтов, у которых есть более эффективные альтернативы, как и популярность отживших свое технологий объясняется, в частности, и тем, что люди знакомы с этими старыми институтами и технологиями, со всеми их достоинствами и недостатками, умеют ими пользоваться и понимают, чего ожидать от взаимодействия с другими людьми/техникой в рамках этих институтов/технологий. Если из описываемой Эггертссоном домодерновой Исландии перенестись, например, в современную Россию, то можно привести такой пример: недостаточно принять законы об электронной подписи, интернет-банкинге и т. д., недостаточно создать технологически передовую систему электронных расчетов, недостаточно обеспечить гражданам возможность бесплатной загрузки на смартфоны приложений, посредством которых можно дистанционно и без хлопот оплачивать коммунальные услуги и совершать платежи, — нужно еще, чтобы кто-то объяснил, убедил, показал и научил граждан пользоваться всеми этими институциональными и технологическими возможностями, вместо того чтобы по старинке ходить в кассу и стоять там в очереди,

тратя на это свое время (а между тем количество граждан, причем не только преклонного возраста, которых регулярно можно наблюдать стоящими в очередях в разного рода кассы при наличии и доступности альтернатив, доказывает, что никто не озаботился их обучением и убеждением).

Впрочем, история, изложенная Эггертссоном, подталкивает к еще одной гипотезе (которую сам он обходит стороной) о причине устойчивости (популярности, приемлемости) институтов, неэффективных с точки зрения экономической, которая заключается в том, что сугубо «хозяйственные» или «экономические» институты и практики — это, скорее, теоретико-экономическая абстракция, которая искусственно разделяет мотивы и цели человеческой деятельности на экономические и неэкономические. В реальности эти мотивы (и не только индивидуальной деятельности, но и государственной политики) сложны, а цели многообразны и мало кто (кроме разве что экономистов) склонен рассматривать (принимать или отвергать) те или иные жизненные практики только с точки зрения их экономической эффективности или прибыльности. Для отказа от устоявшихся институтов степень их собственно экономической неэффективности, вероятно, должна достичь такой критической величины, когда с ней уже невозможно мириться. В поддержку Эггертссона вместе с тем стоит еще раз указать на то, что в случае с Исландией даже регулярно повторявшийся голод не мог заставить местное сообщество пересмотреть нормы, которые ему способствовали.

Вторая тема книги «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ» — это теоретическое осмысление значения институтов и институционального развития для экономического роста. Эггертссон дает краткий обзор развития теории экономического роста, которая с констатации важности приращения факторов производства, в особенности капитала, постепенно пришла к признанию значимости технологий, определяющих эффективность использования этих факторов. Различия в уровнях и темпах экономического развития между странами действительно во многом связаны с разной обеспеченностью производственными факторами, прежде всего капиталом, и разным технологическим уровнем, но, как справедливо отмечает автор, если бы проблема сводилась лишь к этому, то очевидным (и не таким уж сложным с точки зрения воплощения в жизнь) решением вопроса экономической отсталости, а точнее бедности, был бы импорт капитала и приобретение и/или копирование технологий. Но проблема заключается в том, что помимо всё более квалифицированно-го труда, обновляемого и растущего капитала и развивающихся

технологий (понимаемых узко, как научно-технические знания) экономический прогресс нуждается и в более совершенных технологиях иного рода — социальных технологиях, институтах, механизмах взаимодействия экономических акторов. Новые, более сложные в сравнении с прежними хозяйственно-технологические процессы подразумевают и новые способы взаимодействия людей как на уровне отдельной фирмы, так и в масштабах отрасли, страны и мира.

Эггертссон, конечно же, не является первым, кто задумался об этих связях: уместно вспомнить марксистскую идею о связи и взаимном влиянии развития производительных сил и развития производственно-экономических отношений. Преодоление той или иной страной социально-экономической отсталости, избавление от бедности требуют в том числе и преодоления отставания в эффективности институтов, тем более что, по мнению многих исследователей, именно проблемы с институтами являются одним из важнейших, если не важнейшим фактором, обуславливающим непривлекательность многих стран для инвестиций и предпринимательской деятельности. Попытки институциональных реформ, трансформации механизмов взаимодействия хозяйствующих субъектов с целью придать импульс социально-экономическому развитию страны или территории имеют давнюю историю, но далеко не всегда оказывались успешными. Эггертссон предлагает ряд тезисов — частично собственных, частично основанных на изучении работ других исследователей / интерпретирующих достижения новой институциональной экономической теории (см., например, [Норт и др., 2012; North, 1990]) — относительно факторов успеха или провала институциональных преобразований. Среди них целесообразно выделить следующие.

1. Проблема оценки эффективности или неэффективности существующих институтов, а следовательно, и проблема поиска и/или разработки альтернативных, более эффективных институтов осложняется недостатком информации и фундаментальной неопределенностью. Если формальные и в некоторой мере неформальные нормы еще могут быть идентифицированы, то социальные модели / поведенческие установки хозяйствующих субъектов фактически являются ненаблюдаемыми. Эффекты тех или иных институциональных преобразований часто (если не в абсолютном большинстве случаев) оказывались во многом неожиданными для инициаторов реформ, поскольку лишь со временем выяснялись нюансы, о которых никто изначально не помышлял. В этом смысле успешные институциональные реформы зависят не столько от степени проработанности исходных планов, сколько от способности и готовности реформаторов к эксперименти-

рованию, осмыслению реалий, выявлению работающих и отказу от неработающих решений.

2. Любые институциональные преобразования нацелены на изменение статус-кво, а значит, на практике с высокой долей вероятностью они по-разному затронут все вовлеченные стороны, неизбежно будут выигрывающие и проигрывающие. Задача реформаторов заключается в том, чтобы предусмотреть способы компенсации потерь последних, что само по себе нетривиальная задача. По мере продвижения реформ численность и сплоченность их противников — тех, кого реформы затрагивают в негативном ключе, — сначала растут и лишь впоследствии (если реформы оказались успешными) сокращаются; при этом предсказать момент, когда сопротивление достигнет максимума, почти невозможно. Для того чтобы последовательно осуществлять институциональные преобразования, преодолевая практически всегда неизбежное сопротивление реформам, огромное значение имеет приверженность инициаторов поставленным целям, их оптимизм и постоянная готовность к отстаиванию реформ.

3. Новые институты как механизмы взаимодействия субъектов нуждаются и в новых социальных моделях (поведенческих установках) этих субъектов. Изучение и воздействие на социальные модели осложняется тем, что их нельзя непосредственно наблюдать, а попытки их изучения при помощи опросов и интервью зачастую сталкиваются с осознанным или неосознанным обманом со стороны людей, фальсифицирующих свои убеждения в угоду неким реальным или мнимым социальным идеалам. Люди и сами до конца не понимают, в чем состоят их социальные модели. При этом социальные модели не только неопределенны и несовершенны, но и изменчивы в силу множества разнообразных факторов. Внешние шоки, как и накапливающиеся подспудно изменения социальных моделей, могут в какой-то момент сделать неизбежным кризис старых институтов, потребовать революционных изменений; между тем до тех пор, пока старые институты работают, мало кто задумывается об их несовершенстве и возможных альтернативах. В то же время упреждающее внедрение новых институтов (например, на основе изучения чужого передового опыта) требует массового изменения социальных моделей индивидов вследствие обучения, но не теоретического, а обучения методом проб и ошибок, наблюдения за историями успеха тех субъектов, которые поменяли свои социальные модели, чтобы в полной мере использовать новые возможности. Для перехода к новым институтам важно наличие определенной критической массы индивидов-экспериментаторов, отказывающихся от прежних практик и рутин. Появлению таких дефекторов противостоит

социальное давление инертного большинства. Задача инициаторов реформ состоит в том, чтобы помочь этой критической массе сформироваться, создавая стимулы для использования новых институтов и защищая дефекторов от общественного давления/санкций вследствие нарушения устоявшихся норм.

4. Хотя в некоторых случаях попытки внедрения новых институтов терпят неудачу ввиду противоречия существующим социальным моделям, поведенческим установкам и убеждениям людей и их групп, нередко причина провала оказывается проще и банальнее. Внедряя новые нормы и институты, государство не создает (в необходимых масштабах) сопутствующую инфраструктуру, которая должна обеспечить фактическую возможность и доступность новых способов взаимодействия. Социальные и физические технологии/инфраструктура взаимно дополняют и зависят друг от друга.

Третья тема книги — это политическая экономия плохой экономической политики, основывающейся на неэффективных, отживших свое институтах и сохраняющей их. Эггертссон обращается к опыту различных стран (включая КНР, СССР и др.) по стимулированию экономического развития и пытается понять, почему в некоторых случаях / в определенные исторические периоды в тех или иных странах удавалось / не удавалось обеспечить высокие темпы экономического роста, реформируя институты и меняя социальные модели хозяйствующих субъектов. Эта часть книги представляется не очень хорошо аргументированной, особенно на контрасте с подробным разбором исландского исторического кейса, и в конечном счете не очень иллюстративной. Несомненно, что политическое устройство страны влияет на то, насколько беспрепятственно распространяется информация о степени эффективности существующих институтов, насколько объективными оказываются оценки этих институтов и потенциальных альтернатив в обществе / элитах / группах интересов, а также на то, как определяются политические цели и приоритеты, как принимается и проводится в жизнь политика, в том числе институционального плана. Изучение политической экономии эффективных/неэффективных институтов и политики — это интересная задача, которая, как видится, должна быть нацелена не на попытку универсальных обобщений и построения некой всеобщей теории, а на глубокий анализ конкретных кейсов, выводы из которых тем полезнее, чем в большей степени они ориентированы на конкретную страну или регион со всей местной спецификой, — и это именно то, что Эггертссон демонстрирует своим детальным анализом исландских исторических реалий на основе подробного фактического материала. Когда же автор пытается рассуждать о политической экономии ре-

гулирования и институциональных реформ (либо их отсутствия) в истории других стран, то от конкретики он, скорее, переходит к жонглированию избитыми клише «демократия vs автократия», «демократический лидер vs диктатор», «рынок vs плановая экономика», «борьба за власть и ресурсы vs забота об избирателях» и т. д., и т. п. Контраст между детальным разбором исландского кейса, в рамках которого продемонстрирована сложность и неоднозначность неэффективных, но живучих институтов во всем их, скажем так, диалектическом единстве и противоречивости, и поверхностным разбором опыта Советского Союза, Китая и других стран сам по себе демонстрирует определенную социальную модель (с точки зрения индивидуальных исследователей) и соответствующий институт (с точки зрения практики издателей и академического сообщества), в рамках которых жесткость требуемых стандартов академической аргументации довольно сильно зависит от того, какую страну / политическую систему анализирует автор. Впрочем, разбор того, как и где сложилась эта модель/институт и почему, несмотря на свою неэффективность (по крайней мере с точки зрения научного поиска истины, хотя и не с точки зрения пропаганды), она так распространена и устойчива, выходит за рамки этого обзора, хотя многие из наблюдений, представленных в книге самого Эггертссона, могли бы в таком разборе помочь.

* * *

Идеи Трауинна Эггертссона относительно сущности связи институтов и экономического роста развивают мысли, высказанные в таких работах, как [Acemoglu et al., 2002; Acemoglu et al., 2005; Nelson, 2002; 2005; North, 2005], а его понимание факторов живучести неэффективных институтов и, соответственно, возможностей и ограничений институциональных изменений в принципе созвучно идеям многих авторов, занимающихся институциональной проблематикой, — в этом контексте уместно упомянуть посвященные институциональным изменениям работы как зарубежных авторов (в частности, [Aoki, 2007; Brousseau et al., 2011; North, 1990; North, Weingast, 1989]), так и отечественных (в частности, [Латов, 2005; Полтерович, 1999; Тамбовцев, 2019]). Книга Эггертссона и прежде всего представленный в ней исторический исландский кейс являются очередным, но при этом ярким и интересным обсуждением истоков институциональных ловушек и возможных действий по их преодолению.

Литература

1. Латов Ю. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 3. С. 36–43.

2. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 4–31.
3. Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 35(2). С. 3–20.
4. Тамбовцев В. Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 26–45.
5. Шаститко А. Несовершенные институты и реформы (О книге Трауинна Эггертссона «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ») // Вопросы экономики. 2022. №2. С. 147–157.
6. Эггертссон Т. Несовершенные институты. Возможности и границы реформ / Пер. с англ. М. Маркова и А. Лащева; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022.
7. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / Пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. А. Н. Нестеренко. М.: Дело, 2001.
8. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. Vol. 1A / Ed. by P. Aghion, S. N. Durlauf. New York: Elsevier, 2005.
9. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // The American Economic Review. 2002. Vol. 95. No 3. P. 546–579.
10. Aoki M. Endogenizing Institutions and Institutional Changes // Journal of Institutional Economics. 2007. Vol. 3. No 1. P. 1–31.
11. Brousseau E., Garrouste P., Raynaud E. Institutional Changes: Alternative Theories and Consequences for Institutional Design // Journal of Economic Behavior & Organization. 2011. Vol. 79. No 1–2. P. 3–19.
12. Empirical Studies in Institutional Change (Political Economy of Institutions and Decisions) / Ed. by L. Alston, T. Eggertsson, D. North. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
13. Nelson R. Bringing Institutions Into Evolutionary Growth Theory // Journal of Evolutionary Economics. 2002. No 12. P. 17–28.
14. Nelson R. Technology, Institutions, and Economic Growth. Cambridge: Harvard University Press, 2005.
15. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
16. North D. Understanding the Process of Economic Change. Princeton: Princeton University Press, 2005.
17. North D., Weingast B. Constitutions and Commitment: Evolutions of Institutions Governing Public Choice // Journal of Economic History. 1989. Vol. 49. P. 803–832.

References

1. Latov Yu. Teoriya zavisimosti ot predshestvuyushchego razvitiya v kontekste institutsional'noy ekonomicheskoy istorii [The Theory of Dependence on Previous Development in the Context of Institutional Economic History]. *Terra Economicus*, 2005, vol. 3, no. 3, pp. 36–43. (In Russ.)
2. North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichennym dostupom k politicheskoy i ekonomicheskoy deyatel'nosti [In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 3, pp. 4–31. (In Russ.)
3. Polterovich V. Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional Traps and Economic Reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, 1999, no. 35(2), pp. 3–20. (In Russ.)
4. Tambovtsev V. Idei i interesy, ekonomicheskaya politika i instituty [Ideas and Interests, Economic Policy and Institutions]. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 5, pp. 26–45. (In Russ.)

5. Shastitko A. Nesovershennyye instituty i reformy (O knige Trauinna Eggertssona “Nesovershennyye instituty. Vozmoshnosti i granitsy reform”) [Possibilities and Limits of Reform (On the Book by Thráinn Eggertsson “Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform”)]. *Voprosy ekonomiki*, 2022, no. 2, pp. 147-157. (In Russ.)
6. Eggertsson T. *Nesovershennyye instituty. Vozmoshnosti i granitsy reform [Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform]*. Trans. from Eng. by M. Markov and A. Lashev; ed. by D. Raskov. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, Saint Petersburg, Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University, 2022. (In Russ.)
7. Eggertsson T. *Ekonomicheskoe povedenie i instituty [Economic Behavior and Institutions]*. Trans. from Eng. by M. Ya. Kazhdan, ed. by D. Raskov. Moscow, Delo, 2001. (In Russ.)
8. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *The American Economic Review*, 2002, vol. 95, no. 3, pp. 546-579.
9. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: Aghion P., Durlauf S. N. (eds.). *Handbook of Economic Growth*, vol. 1A. New York, Elsevier, 2005.
10. Aoki M. Endogenizing Institutions and Institutional Changes. *Journal of Institutional Economics*, 2007, vol. 3, no. 1, pp. 1-31.
11. Brousseau E., Garrouste P., Raynaud E. Institutional Changes: Alternative Theories and Consequences for Institutional Design. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2011, vol. 79, no. 1-2, pp. 3-19.
12. Alston L., Eggertsson T., North D. (eds.). *Empirical Studies in Institutional Change (Political Economy of Institutions and Decisions)*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
13. Nelson R. Bringing Institutions Into Evolutionary Growth Theory. *Journal of Evolutionary Economics*, 2002, no. 12, pp. 17-28.
14. Nelson R. *Technology, Institutions, and Economic Growth*. Cambridge, Harvard University Press, 2005.
15. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
16. North D. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, Princeton University Press, 2005.
17. North D., Weingast B. Constitutions and Commitment: Evolutions of Institutions Governing Public Choice. *Journal of Economic History*, 1989, vol. 49, pp. 803-832.